

Георгий Брянцев

По тонкому льду (фрагмент)

Часть первая

Дневник лейтенанта Трапезникова

26 декабря 1938 г

(понедельник)

Проснулся рано. Не выспался. Разбудил сын Максим. Ему всего четыре года от роду, но сорванец отчаянный. Вооружился хворостинкой от веника и принялся щекотать у меня в ноздре. Хотел дать ему шлепков, но он так заразительно хохотал, что я смилостивился и не стал портить ему настроение.

Умылся и сел писать эти строки.

До начала занятий в управлении – полтора часа. В голове неприятный шум, в затылке тупая ноющая боль. Ее происхождение понятно. Вчера у нас были гости, и мы по-настоящему кутнули. Кутнули по случаю появления на свет тридцать один год назад такого чудесного парня, как мой друг Дмитрий Дмитриевич Брагин.

Стол был хороший: студень, маринованные грибы, жареный гусь: Всякие соленья, винегреты, заливная рыба, творожники и мое любимое блюдо – беляши.

И выпивка была знатная: одна наливка смородиновая чего стоила! От нее-то, видно, и побаливает у меня в затылке. Надо бы, справедливо рассуждая, подлечиться, хватить небольшую чарочку этой самой колдовской наливки, но неудобно. Запах никуда не денешь, а день-то предстоит рабочий.

Короче говоря, небольшой праздник прошел на славу: поели, попили, поплясали, наговорились. Все бы ничего, если бы... не одно «но».

Отмечая юбилей Дмитрия Дмитриевича, или, как привыкли называть его друзья, Дим-Димыча, мы в то же время отметили утрату своего старого друга Геннадия Васильевича Безродного. В этом и заключается «но».

Под словом «утрата» я не имею в виду смерть Геннадия или долгую разлуку с ним. Геннадий жив. Его здоровью может позавидовать любой из нас. Он никуда не уехал. Просто мы вынуждены были вычеркнуть Безродного из списка наших друзей. А сказать точнее – сделал это он сам.

Утрата произошла не вдруг, не сразу. Но вчера стало все предельно ясно: нас было трое – Безродный, Брагин и я. Теперь двое – Брагин и я.

А началось вот с чего. Четыре месяца назад, в конца августа, Геннадия срочно вызвали в Москву. Там он пробыл восемь дней и вернулся обратно в звании старшего лейтенанта. Тут же был отдан приказ о назначении его начальником отдела, в котором восемь дней назад он руководил отделением.

Это было неожиданно для всех, исключая, конечно, руководство управления, без которого такое смелое выдвижение обойтись не могло.

Никто не завидовал Геннадию. Все были удивлены, поражены, озадачены, пытались разгадать причины столь неожиданного выдвижения. Геннадий перемахнул через звание и через должности помощника и заместителя начальника отдела.

Я знал Геннадия десять лет. Точнее, не знал, а знаю. Так правильнее. Не секрет, что каждый человек обладает своим «потолком». Для Геннадия этим «потолком» была должность начальника отделения. В ней он и сидел. И вдруг Геннадий возглавил отдел. Но, как говорится, начальству виднее. Приказы мы имеем права обсуждать лишь в той части, как их лучше выполнить.

Безродный никогда не отличался кипучей энергией, не обладал особой решительностью и предприимчивостью. По служебной лестнице он карабкался медленно, со скрипом: подчинялся чужой воле, редко проявлял инициативу, избегал риска, самостоятельных решений. На его челе нельзя было обнаружить признаков хотя бы потенциального таланта. Главный и, пожалуй, единственный талант Геннадия состоял в том, что он был усидчив, мог много и упорно работать. А вот организовать работу отделения в отсутствие своего заместителя ему не удавалось. Он плохо знал и понимал людей, не мог затронуть их душевных струн.

За последние четыре месяца он разительно переменялся. В облике появилась необыкновенная важность. Он сразу как бы поумнел и возвысился в собственном мнении, стал самоуверен.

Долголетняя профессия разведчика выработала у меня твердое убеждение, что изменить походку так же трудно, как изменить, допустим, голос, а вот Геннадий опроверг это убеждение. Он изменил походку. Куда девались резкость, угловатость, этакая несообразность в движениях... Они стали бесшумными, неторопливыми, мягкими, какими-то эластичными. Он усвоил величаво-небрежные манеры. При встречах не здоровался за руку, не останавливался и вместо приветствия только снисходительно кивал.

Мне сейчас тридцать три года. Тринадцать лет я проработал в органах госбезопасности. Я уже кое-что повидал, но быть свидетелем такого быстрого и разительного перевоплощения мне еще не приходилось.

В работе Геннадий стал проявлять такую активность, что диву даешься.

Дим-Димыч, со свойственной ему наблюдательностью, правильно подметил, что Геннадий прямо-таки изнемогает от припадка служебного рвения.

Он перестал заходить ко мне и к Дим-Димычу. Странно! Жили мы когда-то втроем под одной крышей, в одной комнатухе. Были дни, когда мы укрывались втроем одним одеялом, ели из одной тарелки, делили поровну скудную еду.

Геннадий был старшим из нас. Ему сейчас сорок один год. На нашей дружбе не отразилась моя женитьба пять лет назад и женитьба Геннадия четыре года назад. Мы лишь разъехались на разные квартиры. Но не проходило ни одного воскресенья, ни одного праздника, чтобы мы не встречались у кого-либо из троих. Мы старались попасть в отпуск в одно время, и часто это нам удавалось. Тогда мы ехали на Украину, где родился и вырос Геннадий, или на мою родину, в город Ржев.

А с того дня, как Геннадий «вышел в начальники», все пошло прахом, дружба наша дала трещину, а теперь окончательно развалилась.

Позавчера, в субботу, перед уходом со службы я специально зашел в кабинет Геннадия. Я предупредил его, что завтра день рождения Дим-Димыча и что по старой, освященной десятилетием

традиции мы должны собраться. Он кинул на меня нарочито рассеянный взгляд и сказал, что позвонит мне домой завтра днем и скажет, придет или не придет.

И, конечно, не позвонил. Позвонил ему я. Позвонил, когда гости уже сели за стол. Геннадий ответил буквально следующее:

– Товарищ Трапезников, вы должны понять, что мне не совсем удобно отмечать юбилей с подчиненными. Это пахивает панибратством...

Он впервые обратился ко мне на «вы».

Я сказал ему по-старому:

– Геннадий, брось валять дурака! Мы собрались не у тебя в кабинете, а у меня дома. Из твоих подчиненных здесь будет один Дим-Димыч. При чем здесь панибратство?

– Вы меня не агитируйте, – прозвучал сухой ответ.

Я послал его к черту и положил трубку. Правда, сначала я положил трубку, а потом уже послал его к черту. Я сразу не нашелся. Я человек с несколько запоздалым рефлексом.

Короче говоря, Геннадий не пришел. Я передал наш разговор ребятам:

Дим-Димыч махнул безнадежно рукой:

– Я тебя предупреждал. К этому все шло. Что ж... лучше не иметь вовсе друга, нежели иметь плохого.

Кто-то из гостей, будучи наслышан о том, что за последнее время отношения у Брагина и Безродного заметно под портились, решил подшутить над Дим-Димычем:

– Смотри, паря, он, этот Безродный, еще проглотит тебя!

– Подавится, – огрызнулся Дим-Димыч. – Такой кусок, как я, может застрять в горле.

– А если не застрянет?

– Получит несварение желудка или заворот кишок.

Итак, за последние десять лет это был первый случай, когда Геннадий не поздравил Дим-Димыча и не пришел на день его рождения...

27 декабря 1938 г

(вторник)

Только что вернулся от Дим-Димыча. Время – около трех часов ночи. На дворе чудная погода с приятным морозцем. Снег лег прочно и, видно, надолго.

Город преобразился, посвежел, побелел.

Название города, в котором мы живем и работаем, я предпочту не называть. Укажу только, что город областной, а в прошлом губернский.

Так вот... Значит, я только что от Дим-Димыча. На службе сегодня нам не довелось повидаться, и я решил заглянуть к нему домой. Я и Дим-Димыч работаем в разных отделах: он под началом Безродного, а я у старого, опытного чекиста и умнейшего человека Курникова. А должности у меня и у Дим-Димыча одинаковые: оба мы начальники отделений. Дим-Димыча я застал дома. Он только что пришел с работы, сидел на продавленной койке с гитарой в руках и пел. Завтракал и ужинал Дим-Димыч, как холостяк, на работе в буфете, обедал в нашей столовой.

При моем появлении Дим-Димыч кивнул и продолжал петь. Наша дружба не требовала особых знаков внимания, и ничего необычного в моем позднем визите не было. Работу мы всегда заканчивали глубокой ночью. Точнее, прерывали ее для короткого сна.

Я сел на единственный венский стул и стал слушать.

У Дим-Димыча был несильный, но очень приятный баритон, и его пение всегда доставляло мне удовольствие. Сейчас он пел про утес на Волге, которому Стенька Разин поведал свои сокровенные думы.

Дотянув песню, Дим-Димыч встал, повесил на гвоздь гитару и спросил:

– Ну, чего молчишь?

– Песня хорошая.

– Да, неплохая. А знаешь, кто ее написал?

Я покачал головой. Нет, я не знал и даже не задумывался над тем, кто автор любимой мною песей.

– Написал ее царский чиновник Навроцкий, – сказал Дим-Димыч. – Он служил товарищем прокурора и не один раз выступал с погромными речами на процессах над политическими. Человек дрянь, а какую сотворил вещь! Живет и жить будет.

– Парадокс, – заметил я.

– Да, – подтвердил Дим-Димыч. – Я припоминаю, как в ВПШ наш преподаватель Севрюков развивал теорию, что плохой человек не может написать хорошей книги, а я спорил с ним и доказывал,

что знаю поэта, очень грязненького в быту, пишущего хорошие стихи.

– Помню этого «ортодокса», – добавил я. – Загибщик он был.

– Загибщик – это для него много. Просто дурак. – Дима аппетитно зевнул и, растянувшись на койке, потянулся.

– Спать хочешь? – спросил я.

– Устал.

– Пойду. Мне тоже пора.

– погоди. Ты знаешь, я как-то по-новому начинаю понимать Геннадия.

Оказывается, чтобы разобраться в человеке, его надо сделать начальником.

По-моему, Геннадий – карьерист.

– Ну, это ты хватил.

– Нисколько. Классический карьерист. Убеждать не стану. Скоро ты сам убедишься. Сегодня на него нашло демократическое настроение. Пришел к нам в отделение, угостил ребят папиросами и начал трепаться.

– О чем?

– О том, как его сватали в Москве на должность начальника отдела, а он ломался, раздумывал, колебался, а потом снизошел и дал согласие. Я рассмеялся: «Ты, говорю, сам еще не понимаешь, какую услугу оказал человечеству». Он нахмурился: «Не ты, а вы». Потом трепался насчет своей честности. В двадцатых годах ему будто довелось везти изъятое у буржуев золото. Целый ящик. Пуда три. Он плыл на пароходе по Каспию, пароход загорелся. Пришлось спасаться вплавь на круге. Он мог не только выплыть сам, но и прихватить для себя лично килограмма два золота в чеканке. Все равно оно пошло ко дну. Теперь он гордится тем, что устоял перед соблазном. Я и сказал ему: «Не велика заслуга не стать вором». Он повертел головой и промолчал.

– В общем, покусываешь его за ляжки?

– Пусть не говорит глупостей.

– Какие еще новости у вас?

– Никаких. Жду дня, когда все в этой жизни для меня станет ясно.

– То есть?

– Ну, например, я хочу получить ответ: зачем эти ночные бдения? Кто заинтересован в превращении ночи в день и наоборот?

Сегодня Безродный заявил: «Чем больше спим мы, тем больше бодрствует враг. Поэтому надо спать еще меньше. Ему кажется, что вокруг одни враги, что их можно черпать ковшом... Сумасшествие...

– На свете еще много непонятного, – философски заметил я, встал, пожелал Дим-Димычу приятных сновидений и отправился восвояси.

Да... Люблю я Димку. Хочется рассказать о нем побольше. Но разве за один раз все изложишь? Сколько бы я ни писал, все равно будет мало. Таков уж Дим-Димыч.

Встретился и познакомился я с ним осенью двадцать четвертого года на Северном Кавказе, в Чечено-Ингушетии, после операции по разгрому крупной политической банды. Дим-Димычу тогда едва сравнялось восемнадцать лет. Но его уже звали чекистом. И заслуженно звали. Он имел награду – пистолет «маузер». В ЧК он пришел по комсомольской путевке со второго курса института. Дим-Димыч и сейчас еще человек молодой, но чекист он старый. И при этом – потомственный. Его дед, которому сейчас было бы шестьдесят восемь лет, начал свою работу при Советской власти с заместителя председателя ЧК на Тамбовщине. За три месяца до нашего знакомства с Дим-Димычем деда сожгли бандиты в стоге сена. Отец Дим-Димыча, до революции моряк, работал в Воронежской губчека и трагически погиб при крушении поезда. Мать Дим-Димыча служила в ЧК машинисткой и умерла в двадцатом году от тифа. Старший брат Дим-Димыча, в прошлом чекист, сейчас работает районным прокурором на Смоленщине. Получается, что работе в ЧК посвятили свою жизнь три поколения Брагиных. Такое редко встретишь. Я, например, еще не встречал.

С первого же дня я проникся к Дим-Димычу глубокой симпатией. Было в нем что-то боевое, юношески задорное, горячее и в то же время уже обдуманное, взвешенное и раз навсегда решенное. Он нашел себя, знал куда идет, куда стремится, знал, что ему надо делать, чего от него требует Родина.

Дружбу нашу скрепил эпизод, в котором Дим-Димыч показал себя настоящим чекистом.

На меня возложили конвоирование двенадцати бандитских вожаков. Взяли их после упорного боя, потеряв троих наших товарищей. Арестованных надо было живьем доставить из Грозного в Ростов-на-Дону. Дим-Димыча и трех бойцов из

дивизиона войск ОГПУ нарядили мне в помощь. Нам предоставили обычный пассажирский вагон. Прицепили его к нефтеналивному составу, и поезд тронулся. Нас было пятеро, бандитов – двенадцать. О сне и отдыхе нечего было и помышлять. На полпути, между Минеральными Водами и Курсавкой, произошло ЧП. И произошло следующим образом. Провожая арестованного в туалетную комнату, один из бойцов развязывал ему руки и, впустив арестованного в кабину, сам оставался в коридоре. Ногу он ставил между порогом и дверью, чтобы сохранить щель. Время было позднее – часа четыре ночи. Боец Жиленков, помню, как сейчас, мой тезка, повел в туалет самого свирепого по виду бандюгу лет под сорок, невысокого, но крепкого, толстомордого, в огромнейшей, похожей на барана, папахе. В таких случаях Дим-Димыч направлялся в задний по ходу тамбур, а я – в передний, рядом с туалетной.

Так мы поступили и в этот раз. Я стоял, дымил махорочной самокруткой и ждал, когда арестованный справит свои надобности. И тут я услышал звон разбитого стекла. Открыв дверь, я шагнул в коридор и обмер: на полу в неестественной позе, как-то изгнувшись и подобрав под себя руки, лежал неподвижно Жиленков.

Винтовки возле него не было. Я дернул дверь туалетной, но она оказалась закрытой изнутри. Я даже не сообразил сразу, что произошло, да и некогда было соображать. Надо было действовать, и действовать, не теряя ни минуты. Я бросился в вагон.

Позже выяснилось, что бандит обдумал план побега заранее и все учел.

Когда Жиленков поставил ногу, он с силой захлопнул дверь. Страшный удар тяжелой железной двери пришелся по ступне Жиленкова и переломал кости.

Жиленков даже не вскрикнул. Он мгновенно потерял сознание и упал. Бандит схватил винтовку, запер дверь изнутри, выдавил плечом оконное стекло – и был таков.

Я рванул на себя ручку стоп-крана, но он не сработал. Оставалось одно – остановить поезд с помощью кондуктора, который вместе с Дим-Димычем находился в заднем тамбуре.

Бандиты уже догадались о случившемся, поднялись со своих мест и глухо переговаривались.

– Ложись! – отдал я команду, и ее тотчас же исполнили. – Кто поднимется, стрелять без предупреждения! – приказал я бойцам и помчался в тамбур.

Дим-Димыч и старик кондуктор с колючими тараканьими усами о чем-то мирно беседовали.

Я довольно сбивчиво и не особенно коротко рассказал о происшествии.

Дим-Димыч запрыгал на месте.

Не в меру флегматичный кондуктор вытащил из брючного кармана огромные «Павел Буре», посмотрел на них, потом выглянул за дверь в темень и преспокойно изрек:

– Не стоит!.. Куда он денется? Минуты через три-четыре Курсавка будет, а там – воду набирать. А за три минуты разве такую махину остановишь?

Он был прав, но Дим-Димыч возразил:

– Уйдет! Нельзя ждать!

И не успел я опомниться, как он спустился на нижнюю ступеньку вагона и исчез в темноте ночи.

– Сумасшедший, – произнес я. – Шею сломает!

– Они все такие, молодые, – добавил кондуктор и смерил меня критическим взглядом.

Действительно, минуты через четыре-пять наш состав влетел на станцию Курсавка и остановился. Я быстро отыскал представителя транспортного отдела ОГПУ, распорядился отцепить вагон с арестованными, взять его под охрану, а сам раздобыл ручную дрезину, усадил в нее трех молодых хлопцев-железнодорожников и помчался на помощь Дим-Димычу.

Мы скоро нашли место, где спрыгнул Дим-Димыч, где спрыгнул бандит.

Обшарили длинейший участок пути. Я кричал, звал, и мне помогали ребята. Я стрелял из пистолета в воздух, но безрезультатно: Дим-Димыч не отзывался. Он точно сквозь землю провалился.

«Что-то стряслось... что-то стряслось, – с тревогой думал я. – Как бы не наткнулся Димка на бандитскую нулю».

Поиски наши затянулись до рассвета, я уже окончательно пал духом, как вдруг увидел на горизонте, на фоне светлеющего неба, две приближающиеся точки. Между ними сохранялась небольшая дистанция. Я бросился навстречу, за мной последовали мои ночные

спутники. Да, это был Дим-Димыч. Он конвоировал обезоруженного бандита. Тот, израсходовав в горячке всю обойму патронов, вынужден был вторично за последние сутки сдаться.

Я и Дим-Димыч побродили по городу, побывали в цирке, покатались на моторной лодке по Дону, познакомились с чудесными донскими девчатами, а потом расстались. Я поехал в Краснодар, а Дим-Димыч к себе в Донбасс.

Встретились мы три года спустя в Москве, на учебе в ВПШ. Тут же познакомились и подружились с Безродным. Он приехал с Украины. По окончании школы, не без наших общих стараний, мы втроем попали в город, где работаем и сейчас.

Довелось нам не однажды за эти годы побывать и на Украине, и в Сибири, и в Ставрополье – где по одному, где вдвоем, а где и всем вместе, но это были командировки. Специальные командировки.

Теперь опять о Дим-Димыче.

По внешнему виду он человек ничем особенно не примечательный. Таких можно встретить часто. В детстве сверстники звали его цыганом. У него большие, выразительные агатово-черные глаза. Иногда они подернуты какой-то грустью. И волосы черные. Черные, густые, пушистые и всегда небрежно причесанные. На открытом, одухотворенном лице его из-под смуглой кожи проступают бугорочки костей. Дим-Димыч худощав, невысок и чуточку сутуловат.

Но это почти незаметно. Он отличный физкультурник. Особенно он любит коньки, лыжи и футбол.

Дим-Димыч – веселый, беспокойный и уж очень кипяточной какой-то. Внутри его заложен взрывной заряд мгновенного действия. Заряд этот может сработать в любую минуту. И вот что странно: одаренный повышенной чувствительностью, Дим-Димыч, когда это нужно, проявляет колоссальную выдержку. Он бывает иногда не прав, но при этом всегда искренен...

На сегодня, кажется, довольно. Пятый час. Пора спать.

29 декабря 1938 г
(четверг)

Итак, опять о Дим-Димыче. Я сказал, что, бывая даже не прав, он остается искренним в своей неправоте. И это подкупает в нем. Его взгляды покоятся на твердых убеждениях. Если возникают

какие-либо сомнения, он не может таить их в себе, делится ими с товарищами по работе. А на это нужна известная смелость, на которую способен не каждый. В принципиальных вопросах Дим-Димыч непримирим. Его можно сломать, изуродовать, но нельзя согнуть. Он не гнется. Он не из такого металла. Дим-Димыч не терпит лжи, лицемерия, ханжества, бахвальства и способен сказать человеку в глаза то, что о нем думает. Он любит подшучивать над приятелями, над начальством, но легко переносит, когда подшучивают и над ним.

Дим-Димыч решителен во всем, что касается работы, и потрясающе беспомощен в житейских делах. То, что для меня, Геннадия, любого другого является сущим пустяком, для Дим-Димыча представляет проблему.

Работник он честный, с большой инициативой, с творческим огоньком.

Работает самоотверженно, с фанатической добросовестностью, не разделяя дел на малые и большие, вкладывая в каждое из них свою глубокую убежденность, весь жар души, всю страсть. Руководство управления знает, ценит Дим-Димыча, но не любит за острый язык.

Он всегда остается самим собой, никому не подражает, ни под кого не подделывается и не подстраивается. Он одинаков со старшими и с равными, на работе и вне службы, на партийном собрании и оперативном совещании.

Сегодня в полдень я и Дим-Димыч встретились в буфете за завтраком.

Дим-Димыч поведал мне интересную подробность. Оказывается, жена Безродного Оксана поскандалила с мужем из-за того, что он не захотел идти на день рождения Дим-Димыча и ее не пустил.

– Это Оксана сказала тебе? – спросил я.

– Нет.

– А кто?

– Варя.

Я кивнул. Варя – техник нашего коммутатора и предмет обожания Дим-Димыча.

– А как твои дела с Оксаной? – полюбопытствовал я.

– Дел, собственно, никаких нет. Я стараюсь избегать встреч с нею.

Дело в том, что жена Безродного Оксана, двадцатипятилетняя женщина, симпатизирует Дим-Димычу. Это известно многим, в том числе и Геннадию. Но Дим-Димыч сторонится Оксаны. Он побаивается женщин, идущих в атаку. Пусть это будет даже не прямая, любовая атака, пусть эхо будет лишь намек взглядом, жестом. Все равно.

– Она не вызывает у меня сердцебиения, – добавил Дим-Димыч, помешивая ложечкой чай в стакане.

– Удивительно, – бросил я.

– А я не вижу ничего удивительного, – сказал Дим-Димыч. – Жену, как Оксана, найти – пара пустяков. А найти друга, верного, любящего, у которого не будет от тебя никаких тайн, принимающего тебя таким, какой ты есть, понимающего тебя с полуслова, – такого друга найти нелегко. На мой взгляд, подлинные друзья у нас муж и жена Курниковы. Этой паре можно позавидовать.

Такое счастье надо искать. А ведь живут они вместе лет двадцать.

– Хм. А что ты скажешь обо мне и Лидии?

– Хочешь знать?

– Конечно.

– Ты любишь Лидию. И любишь прочно. Ты однолюб. Лидия тоже любит тебя, но уж не так.

Я слушал друга, и в груди у меня, под сердцем, что-то засосало. Дыхание стало вдруг тяжеловатым. Мне страшно хотелось узнать мнение Дим-Димыча, и в то же время я страшно боялся услышать его.

– Почему ты так думаешь? – стараясь казаться безразличным, спросил я и вяло улыбнулся.

– Мне так кажется. Я знаю тебя, знаю и ее. Она любит, когда за нею ухаживают, это льстит ее самолюбию, она любит пофлиртовать, а, как тебе известно, с флирта все и начинается.

Дим-Димыч был прав. Он знал, оказывается, Лидию не хуже меня. Я помню, как Лидия говорила мне: «Какой женщине не нравится, когда за нею ухаживают?»

Любая женщина не прочь пофлиртовать!» Пофлиртовать... Но флирт бывает разный!

– Вот видишь! – Дим-Димыч обаятельно улыбнулся, как мог улыбаться только он один. – Ты уж и призадумался. Что ж, это не

вредно. Ответь мне: ты бываешь спокоен, когда Лидия едет на курорт?

– Как тебе сказать... – замялся я, не решаясь сказать правду.

– Нет, ты не бываешь спокоен. В этом я могу уверить тебя. А почему?

Потому, что не веришь ей. Какие у тебя для этого основания – мне неизвестно.

На это факт. А вот Лидия за тебя спокойна. Она сама говорила это не раз мне, Геннадию, Оксане. И еще могу добавить: если тебе понравится кто-либо, ты скажешь об этом Лидии. И Курников скажет своей жене. И жена Курникова скажет мужу. А Лидия – не знаю.

– Да. – только и смог я выговорить.

– Вероятнее всего, не скажет, – подтвердил Дим-Димыч. – Она дорожит тобой. Ты нужен ей. Она видит и знает тебя насквозь. Знает, что такого мужа, как ты, найти не просто.

– И в то же время...

– И в то же время она не прочь развлечься на стороне.

Да... Такие смелые суждения можно было принять без обиды только от подлинного друга.

– А не кажется ли тебе, – сказал я, – что между Оксаной Безродной и твоей Варей много сходства?

– Неудачное сравнение, – возразил Дим-Димыч. – Все равно что луна и солнце. Первая только светит, а вторая светит и греет. Слов нет, Оксана женственна, красива. И при всем том особа она плотоядная. Я чувствую это на расстоянии.

– Она умна, – заметил я.

– А что мне ее ум! Мне дороги у женщины сердце, душа. Да и что значит умна? Это спорный вопрос. Нет-нет... Между нею и Варей очень мало сходства.

Разве что внешне.

– А что ты скажешь... – начал было я, но в буфет вошел мой начальник Курников.

Он подсел к нашему столику, и интимная беседа прервалась...

Сейчас я пишу и думаю, что дал неполную характеристику Дим-Димычу.

30 декабря 1938 г

(пятница)

Сегодня в начале вечерних занятий мне позвонил Курников и приказал:

– Сходите к Безродному и возьмите у него материалы следствия на арестованного Чеботаревского.

– Он в курсе?

– Да. Есть распоряжение начальника управления. Дело примите к своему производству.

– Есть, – ответил я и отправился выполнять приказ.

Я слышал о Чеботаревском со слов Дим-Димыча. Дело находилось в его отделении. Но оно, как я понял друга, и к нам имело такое же отношение, как к отделу Безродного.

Чеботаревский Кирилл, двадцати двух лет, цыган по национальности, конюх по профессии, был арестован по подозрению в шпионаже в пользу румынской разведки. До революции семья Чеботаревского жила в Бессарабии, а потом отец с двумя сыновьями остались в городе Сороках, а мать и дочь переехали на другую сторону, в деревушку против города Сороки. Между семьей лег Днестр.

Кирилл Чеботаревский тянулся к матери. Не один раз он перекликался через реку с сестрой и наконец не выдержал и однажды ночью переплыл Днестр. Тогда Кириллу было пятнадцать лет, и звали его все Кирюхой.

Выбравшись незамеченным из пограничной зоны, Кирюха проследовал в Тирасполь, явился в ОГПУ и рассказал о нарушении границы. Подростка-цыгана не арестовали, не судили, отпустили к матери и лишь запретили выезжать в места жительства. Пять лет спустя семья перебралась в нашу область. Кирюха не кочевал с таборами ни одного дня. Получив в наследство от отца неистребимую любовь к лошадям, он со всей цыганской страстью отдался профессии конюха. Работал в колхозе под Тирасполем, числился в ударниках, красовался на Доске почета, окончил школу для взрослых. Когда же сестра его вышла замуж за тракториста и поехала с мужем в совхоз, мать и Кирюха отправились за ними.

Прошло около двух лет. Кирюха стал комсомольцем. В ноябре этого года его, как выразился Безродный, «загребли».

Сверхбдительный начальник районного отделения ОГПУ сумел доказать такому же, видно, как и он, прокурору, что Кирюха

Чеботаревский – пришелец с чужой стороны и, следовательно, шпион.

Душа Кирюхи протестовала... Он плакал, бил себя в грудь, рвал волосы, клялся, молил, ругался, но ничто не помогало. Его отправили для решения судьбы в область.

Вот это-то дело и поступало теперь ко мне по указанию начальника управления.

Безродный был у себя. Получив разрешение, я вошел в кабинет.

– Садитесь, товарищ Трапезников, – пригласил он в этом «садитесь» как бы напомнил, какая дистанция разделяет нас. – Чем могу служить?

Я объяснил.

– Да-да... – кивнул Геннадий. – Дело чистое, и очень жаль, что мы не успели довести его до конца, Почему ваш Курников берет его с неохотой – не знаю.

Я пожал плечами. То обстоятельство, что Курников берет дело с неохотой, было для меня новостью.

Геннадий между тем снял трубку.

– Брагина мне!.. Товарищ Брагин? Это Безродный... Зайдите с делом Чеботаревского. Что? Хорошо, зайдите вдвоем.

Я понял, что Дим-Димыч счел нужным явиться вместе с работником, за которым числилось дело.

Через минуту вошли Дим-Димыч и помощник оперуполномоченного Селиваненко, молодой паренек, проработавший в нашей системе не более года.

Его мобилизовали со школьной скамьи, из какого-то техникума. Это был розовощекий, еще не утративший гражданского облика, молодой, безусый паренек. Мне он был известен больше как активный участник клубной самодеятельности, нежели как оперработник.

– Вы вели дело? – спросил его Безродный.

– Так точно.

– Доложите его суть.

Селиваненко доложил. Выходило, что дело не стоит выеденного яйца. Я рассчитывал, что Геннадий, по новой привычке, устроит Селиваненко разнос, но этого не случилось. Возможно, помешал я. В нашей тройке я всегда занимал среднее положение, и со мной считались и Геннадий, и Дим-Димыч.

– Молодость, сударь мой, – проговорил Геннадий нравоучительно и в то же время с сожалением, – большой недостаток.

– Главным образом для тех, у кого она позади, – не сдержался Дим-Димыч.

Селиваненко молчал. Геннадий прицелился в Дим-Димыча своими серыми прищуренными глазами и пренебрежительно скривил рот.

Я с любопытством ожидал, что ответит Геннадий, но он промолчал.

Промолчал, но не пропустил мимо слова Дим-Димыча, нет! Они засели глубоко.

На его рыхлом, тепличного цвета лице обозначилась какая-то злая, неумная жестокость.

Почему же я раньше, в течение десяти прошедших лет, не замечал ничего подобного? Неужели Дим-Димыч прав, что Геннадия как человека удалось узнать лишь теперь, когда он стал так нежданно-негаданно начальником одного из отделов управления?

Геннадий продолжал молчать. Прошла секунда, две, пять, десять, пятнадцать. Молчание становилось просто невежливым. Он, как это бывало с ним часто, не находил ответа на реплики Дим-Димыча. В словесных поединках с ним Геннадий всегда оказывался побежденным.

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.